

Arcady STEINLUCHT
 “The ability to make complex things clear and available...”

The recollections about Muza Shapiro and other school time teachers and friends, presented by the conductor and graduate of the Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory Arcady Steinlucht, who is a music supervisor of the SSMS.

Keywords: A. M. Steinlucht, B. N. Shinder, O. Y. Tsekhnovitser, M. V. Shapiro, A. A. Knaifel, V. G. Shipulin, D. A. Blokhin, B. V. Fishman, L. M. Pevsner, T. N. Kudinova, V. L. Maisky, N. N. Naumova, F. M. Tylyna, Y. A. Mirsky, S. I. Markon, L. I. Kostyuchenko, S. I. Zabokritsky, B. V. Fishman, A. A. Korolev, G. L. Sokolov, M. S. Boyarsky, Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory.

Аркадий ШТЕЙНЛУХТ
 «Умение делать сложное понятным и доступным...»

Воспоминания о Музе Вениаминовне Шапиро, а также о других преподавателях и друзьях школьного времени выпускника Средней специальной музыкальной школы Ленинградской консерватории, музыкального руководителя оркестра ССМШ, дирижера Аркадия Матвеевича Штейнлухта.

Ключевые слова: А. М. Штейнлухт, Б. Н. Шиндер, О. Ю. Цехновицер, М. В. Шапиро, А. А. Кнайфель, В. Г. Шипулин, Д. А. Блохин, Б. В. Фишман, Л. М. Певзнер, Т. Н. Кудинова, В. Л. Майский, Н. Н. Наумова, Ф. М. Тылина, Ю. А. Мирский, С. И. Маркон, Л. И. Костюченко, С. И. Забокрицкий, Б. В. Фишман, А. А. Королев, Г. Л. Соколов, М. С. Боярский, Средняя специальная музыкальная школа Ленинградской консерватории.

Муза Вениаминовна Шапиро преподавала у нас сольфеджио с седьмого класса, но знакомство с ней произошло гораздо раньше.

1956 год. Вступительный экзамен в школу в кабинете директора Владимира Германовича Шипулина. Позднее, спустя семь лет, я начал учиться у него дирижированию. А тогда мне, шестилетнему, было страшно-вато: в кабинете сумрачно, накурено, комиссия, огромный письменный стол, восседающий за ним Владимир Германович, рояль цвета темного золота, на котором надо было что-то сыграть... Но потом среди этого страха и ужаса возникла очень веселая, красивая тетенька и с улыбкой стала меня экзаменовывать по сольфеджио. Я повторял за ней ритмы и мелодии, и это было совсем не страшно и даже весело. Потом, когда я уже учился у Любви Михайловны Певзнер, эта «тетенька» иногда заходила к ней в класс поболтать (они были подругами). До седьмого класса сольфеджио у нас вела Фаина Михайловна Мarmorштейн, замечательный и строгий педагог, у которой улыбка пряталась где-то в уголках глаз. Потом мы перешли к Музе Вениаминовне. На ее занятиях сольфеджио превратилось в интересную игру, но при этом никакая халтура не проходила. Гармоничное сочетание свободы и строгости. Идеальный учитель.

С восьмого класса мы с моим другом Анатолием Королевым перешли на дирижерско-хоровое отделение, и у нас начались дополнительные занятия по сольфеджио. Муза Вениаминовна тщательно готовила нас к по-

ступлению в консерваторию. Заданий было много — помимо обычного письменного диктанта экзамен включал и устные, в том числе многоголосный, в котором надо было запоминать и горизонталь, и вертикаль, и все это воспроизводить. Мы транспонировали, играли в различных ключах, пели романсы, сами себе аккомпанируя, хоралы (три голоса играли, а четвертый пели). И при всей требовательности — неизменная атмосфера дружелюбия и радушия. Много позже я узнал, что и моя мама, Бронислава Наумовна Шиндер, тоже училась у Музы Вениаминовны во время войны — в эвакуации в Ташкенте. Муза Вениаминовна была студенткой консерватории и преподавала в училище, а мама тогда в нем училась. У Музы Вениаминовны училась и моя жена Ольга Цехновицер. И даже наш сын Павел. Муза Вениаминовна была уже на пенсии, но Ольга попросила ее немного с ним позаниматься (сольфеджио у него хромало). Несколько занятий с Музой Вениаминовной все поставили на свои места. Это невероятное умение — сложное сделать понятным и доступным... Так что, можно сказать, три поколения нашей семьи учились у *Музочки* (так любовно называли ее ученики, а также *Музыкой Пианиновной*). И мы ей безмерно благодарны. Думаю, что это чувство разделяют все, кто у нее учился (а это огромное количество музыкантов, живущих в Петербурге и других городах мира, ведь она преподавала более 50 лет).

Общение с Музой Вениаминовной и ее семьей и после окончания нами школы не прерывалось: может быть,

М. В. Шапиро

А. И. Кнайфель и О. Цехновицер

оно не было частым, но мы всегда были в курсе дел друг друга. Приходили к ней в гости, перезванивались. А однажды Ольга, моя будущая жена, тогда еще одиннадцатиклассница (ученица Аро-на Иосифовича Кнайфеля, мужа Музы Вениаминовны), вела 1 сентября за ручку первоклассницу Анку, их внучку.

С сыном Музы Вениаминовны, Александром Кнайфелем, нас связывает многолетняя дружба и творческие контакты, начавшиеся еще в кон-

це 1960-х годов. Я участвовал в записи его музыки более чем к десяти кинофильмам, дирижировал оперой «Кентервильское привидение», произведениями для хора и оркестра.

Муза Вениаминовна очень переживала на премьерах сына («А тебя не поколотят?» — спрашивала она его иногда, так как музыка А. Кнайфеля не всегда легка и доступна для слушателей, привыкших к традиционности).

Нашему поколению невероятно повезло с учителями. В школе преподавали выдающиеся личности. По фортепиано все школьные годы я учился у Любви Михайловны Певзнер, ученицы Леонида Николаева, знаменитого пианиста и педагога. Она и сама была замечательной пианисткой. К сожалению, в детстве я это не очень понимал. С 8 класса я перешел с фортепианного на дирижерско-хоровое отделение, но Любовь Михайловна оставила меня в своем классе фортепиано. Наверно, с того момента мы с ней и подружился по-настоящему. До этого я ее побаивался: нужно было готовить две программы в год, я ленился, не успевал, а еще были этюды и гаммы. А по ОКФ (общему курсу фортепиано) нужна была только одна программа, она выбиралась с учетом моих пожеланий, я успевал освоить ее и играл с удовольствием.

Любовь Михайловна преподавала в школе почти полвека. В начале 1990-х годов она переехала в Берлин, я навещал ее там... Всякий раз, когда сажусь за рояль, мысленно благодарю Любовь Михайловну.

Историю музыки преподавала у нас Рашель Арнольдовна Козлова, потом ее сменила Тамара Николаевна Кудинова, молодая и энергичная. Она начала помимо основной программы знакомить нас с музыкой, тогда почти закрытой, например, со Стравинским, Онеггером и др. Тамара Николаевна учила самостоятельно анализировать, чтобы мы не просто повторяли что-то за учителем, а пытались сами разобраться. Последние полгода моего обучения преподавал Валерий Леопольдович Майский, феноменальный музыкант, органист, пианист, музыковед, старший брат виолончелиста Миши Майского. Валерию Леопольдовичу было тогда двадцать пять лет, но мне казалось, что он знает *всю* музыку. Например, он играл чью-нибудь симфонию по партитуре от начала до конца, параллельно вспоминал другие симфонии этого автора, симфонии других композиторов, играя отрывки из них уже без всяких нот. Он владел и оперной, и симфонической, и фортепианной, и, в особенности, органной музыкой, поскольку сам был выдающийся органист. Иногда после урока развлекался: играл нам прелюдию или фугу из «Хорошо темперированного клавира» в другой тональности. Ты слышал знакомую музыку, начинал вспоминать, что из первого тома в этой тональности другая прелюдия и фуга, из второго тома тоже другая... И, изрядно помучившись, потом уже соображал, что это на терцию или кварту ниже или выше.

После школы мои контакты с Валерием Леопольдовичем не прерывались. Не будучи формально его учеником, я продолжал у него учиться. Он очень сильно повлиял на мое развитие, был вдохновителем моей дипломной работы — исполнения «Страстей по Иоанну» И. С. Баха (и, конечно же, играл партию органа). В 1974 году он вынужден был уехать из СССР, а в 1981 трагически погиб в автокатастрофе.

Общеобразовательные предметы преподавали тоже незаурядные педагоги. На первое место, наверно, следует поста-

Преподаватели школы-десятилетки М. В. Шапиро, А. В. Серебрякова, Н. В. Лебедева, Ф. М. Тылина

вить Нелли Наумовну Наумову, учительницу литературы. Девятый класс, впервые сдвоенный урок — пара, как в университете. И полтора часа царил мертвая тишина, мы сидели, как замороженные, было безумно интересно. И так было всегда. Литературные персонажи оживали на ее уроках, становились близкими знакомыми. Толстые и скучные книжки делались интересными и увлекательными. Тексты она читала в своей особенной манере — неторопливо, слегка скрипучим прокуренным голосом, совершенно не стремясь к «раскрашиванию» и внешней выразительности. Но именно эта манера делала тексты выпуклыми. Все подробности и детали как бы впечатывались в сознание. Некоторые драматические произведения мы сами читали в классе по ролям. Впоследствии это вылилось в театральные постановки, но об этом ниже. Нелли Наумовна учила нас думать самостоятельно, работать непосредственно с текстами, а не с учебниками (за все три года мы ни разу в них не заглянули, даже не знали, как они выглядят). И все три года обучения у Нелли Наумовны вспоминаются как один огромный и радостный урок не только литературы, но и постижения жизни со всеми ее проблемами.

Фаина Михайловна Тылина — учительница немецкого языка, терпеливейший ангел во плоти. Несмотря на наше отчаянное сопротивление, смогла научить нас говорить, читать и даже писать. И сегодня — правда, с ошибками — мне удастся общаться с немецкоговорящими коллегами. Спасибо Вам, Фаина Михайловна!

Физику в 10 классе нам преподавал Юлий Аронович Мирский, человек с образованием филолога-клас-

сика. Он окончил Петроградский университет в 1918 или 1919 году; естественно, тогда никому не нужно было его знание латыни и древнегреческого. И он быстро пере-квалифицировался в преподавателя физики и учил совершенно блистательно. Базой послужили его гимназические знания. До десятого класса физику преподавала Инна Павловна Назарян, она была также нашим классным руководителем.

Химию преподавала Софья Исааковна Маркон, мать скрипача Марка Комиссарова, очень яркая личность; несколько поколений вспоминают ее шуточки.

Если мы что-то знаем о растениях и животных, то это благодаря усилиям Любви Ивановны Костюченко. Под ее руководством мы резали луковицы, наблюдали прорастание горошин.

Совершенно солнечный человек — Соломон Исаакович Забокрицкий, учитель физкультуры, энергичный, грубоватый на словах, но невероятно добродушный. У него была довольно полная фигура, и про все упражнения он обычно нам только рассказывал, но однажды вдруг сам вскочил на брусья и показал нечто невероятное.

Математику преподавал Дмитрий Александрович Блохин. К девочкам, не очень понимавшим суть алгебры, геометрии и тригонометрии, относился снисходительно, а к мальчикам, хоть немного соображавшим, был очень требователен.

Географ Борис Владимирович Фишман — попадал, не глядя, в точку на карте, о которой рассказывал. Научил нас правильно произносить и писать слово «Сык-

тывкар». Мог ли я тогда предположить, что проработаю в этом городе около пяти лет! А моя одноклассница Эллочка Вайнер (в замужестве Беляева) будет концертмейстером оркестра в театре этого города более 45 лет, возможно, установив рекорд Гиннеса!

Немного о нашем классе. Он был очень дружный и довольно пестрый: с нами училось несколько девочек постарше, оставшихся в силу разных причин на второй год. Мальчишки и так не успевают в развитии за девочками, а если те еще и старше на год или два, то это сильно чувствуется. В моем классе учился Анатолий Королев, выдающийся композитор и замечательный педагог, невероятно эрудированный не только в музыке, но и во многих других областях знаний. Очень жаль, что он не преподает в консерватории специальную композицию! На мой взгляд, это большое упущение. В школе он был большой любитель химии и взрывного дела. Еще он строил ракеты и запускал их, правда, не в школе, а в Горелово или Кавголово.

В нашем классе учился совершенно гениальный, на мой взгляд, музыкант Александр Ларичев, виолончелист. Феноменальная общемузыкальная одаренность! Он приехал из города Кандалакша и поступил в четвертый класс. Блестяще играл на рояле, по сольфеджио диктант на проверку всегда нес первым. А на виолончели играл так, как никто другой: у него был индивидуальный, узнаваемый стиль. Слушатели в Малом зале консерватории плакали, когда он исполнил там «Вокализ» Рахманинова. После консерватории работал в оркестре Е. А. Мравинского, потом в Москве у В. Б. Дударовой. К сожалению, умер он очень рано. Если можно мерить Божий дар в каких-то единицах, то ему было отпущено больше всех.

Два года назад не стало Александра Шульруфера, моего друга и коллеги по оркестру «Санкт-Петербургский Моцартеум», нашей общей затее. Ради этого проекта он оставил работу в Петербургской филармонии и все семь лет существования оркестра был неизменным концертмейстером и замечательным солистом (кстати, для него и для оркестра Анатолий Королев написал скрипичный концерт), а также педагогом для коллег (и для меня), создателем исполнительской манеры. Он был разносторонне одарен во многих сферах, изучал иностранные языки, лингвистику.

С нами училась очень талантливая пианистка Елена Распутко, она многие годы живет и преподает в Вологде. Про Эллочку Вайнер я уже говорил. Валентин Черенков, флейтист, профессор Петербургской консерватории,

много лет играл в оркестре у Е. А. Мравинского, потом у В. А. Гергиева. Есть наши одноклассники в Америке и во Франции.

В параллельном классе — выдающиеся пианисты Михаил Аптекман, Игорь Лазько, Марик Гуровский, замечательные альтисты Владимир Стопичев и Василий Шульга. Валентина Федосеева (тогда Желудкова) была директором нашей школы более 20 лет, дольше, чем кто бы то ни было из директоров (а их за 80 лет было немало).

На класс младше учился Михаил Боярский, мы с ним дружили, может быть, потому, что жили в соседних домах на углу Благодатной и Варшавской. Иногда вместе ездили в школу на 15-м трамвае. По вечерам бегали во дворе, играли в мушкетеров (!). Он был отчаянной смелости. По Варшавской улице тогда проходила Варшавская железная дорога (ее уже давно нет). Поезд шел не очень быстро, и у Михаила была идея — запрыгнуть под последний вагон (между первыми и вторыми колесами) и пролежать под ним, пока не проедет. Однажды он это осуществил на моих глазах. Он был необычайно талантлив актерски еще в школе (первая роль: Дед Мороз в первом классе, есть фотодокумент), и это заметила Нелли Наумовна. Когда их класс был 11-м, они осуществили постановку (под руководством Н. Н., разумеется) пьесы М. Горького «На дне». Спектакль был показан в Большом зале школы с декорациями и костюмами, играли ученики 10–11 классов. Миша был Васька Пепел. Они долго репетировали и все играли очень хорошо, это не выглядело ученическим развлечением. (Кстати, годом раньше Нелли Наумовна поставила фрагмент из «Медеи».)

На класс младше меня учился и Григорий Соколов. Когда Гриша (третьеклассник) впервые играл в Большом зале Ленинградской филармонии, стало ясно, что появился абсолютно выдающийся музыкант. При этом он умудрялся быть отличником по всем предметам, включая химию, физику, математику. В 1966 году он стал лауреатом конкурса имени П. И. Чайковского. Тогда ликовала вся школа. Классом старше учились еще два лауреата конкурса имени П. И. Чайковского — виолончелисты Борис Пергаменщиков и Михаил Майский. И, конечно, огромную роль в успехах молодых лауреатов сыграли их педагоги — Лия Ильинична Зелихман и Борис Эммануилович Фишман.

Повторюсь еще раз: нашему поколению невероятно повезло с учителями!

Записала Д. А. Варуль